



За фасадом нашего благопристойного  
повседневного существования прятался  
невоспитанный, проказливый чертенок,  
которого мы старались не замечать,  
неукротимая энергия, воспламеняющая  
плоть, регулярно побеждающая  
благонравие даже в самых благонравных  
созданиях.

*Доменико Старноне «Шутка»*



# 1

Никому не известно о тайных помыслах общества больше, чем врачу общей практики. Все это я встречала не раз. Жизнь без глютена, без лактозы, без сахара — бесчисленные заголовки в газетах и Интернете заставляют вполне здоровых людей верить, что, если они не будут есть хлеб или сыр, все станет на свои места. Люди среднего возраста не понимают, почему они постоянно чувствуют усталость. Все от того, говорю я им, что вы начинаете стареть, но они думают, что старение их не касается, как не касается и смерть. Словно для них будет сделано исключение. Они считают, что тело само собой должно функционировать без сбоев, и удивляются, когда сбой вдруг происходит: они не могут испражниться, уснуть или заставить мышцы работать должным образом. «Но ведь сорок семь — это еще не старость», — говорит сорокасемилетний пациент. «И все же, — отвечаю я, — сорок семь — достаточный возраст, чтобы вы уже не ощущали себя как прежде». Но их это не устраивает. Они хотят, чтобы все было как раньше. И вот они покупают в Интернете какой-то особый

сок или зеленый порошок или же требуют, чтобы у них нашли какую-то необычную аллергию или пищевую непереносимость, и тогда у них все будет по-прежнему, ведь стоит только начать пить сок, принимать порошок, исключить из диеты злосчастный продукт или держаться подальше от животных.

Они не желают меня слушать, когда я говорю, что им нужно успокоиться, радоваться жизни, питаться разнообразно и больше двигаться. Да, именно в таком порядке. Мне надоело произносить все это из раза в раз, а им надоело мне внимать, но, как ни крути, это правда, и она малоинтересна.

Утро пятницы, на часах без пяти восемь. Я сижу за письменным столом в своем кабинете в клинике, на третьем этаже старого дома на Солли-плас. Через пять минут начнется. Зови врага, как говорит мой коллега. Даже спустя столько лет я совершенно не понимаю, почему люди, находящиеся за дверью, хотят ко мне прорваться. Они специально отпросились с работы, чтобы прийти сюда, но зачем? В голове пусто и тихо. На столе разложены какие-то бумаги, стоит монитор компьютера, рядом лежит стетоскоп, поодаль — какая-то большая машина на колесах, но что это, к чему все эти вещи и что вообще здесь происходит, чего ждать? Зачем я здесь? Справа окно, за спиной книжная полка с журналами и книгами, на стене напротив — плакаты с изображениями человеческих тел. Похоже на кабинет врача, но где же врач, ведь здесь, кроме меня, никого нет. Куда подевались

взрослые, как я здесь очутилась? Должно быть, это недоразумение. А что, если я возьму и уйду? Притворюсь, что мне нужно в туалет, проскользну мимо ждущих в коридоре и просто исчезну.

Но вдруг появляется резкость, мир возвращается в фокус, я пересекаю кабинет, открываю дверь и вызываю первого пациента, ну, разумеется, я не могу не сделать этого, ведь я снова в потоке. И вот я уже натягиваю перчатку, наношу на пальцы смазку. На кушетке на боку лежит мужчина, штаны спущены до колен, белые ягодицы оголены, и, когда я их раздвигаю, я вижу и чувствую, что он толком не вытерся, да что там говорить, он вообще не вытирался после последнего похода в туалет, хотя прекрасно знал, что идет к врачу с жалобой на геморрой и зуд в заднем проходе. Я с профессиональной отстраненностью ощупываю геморроидальные узлы и осторожно ввожу в анальное отверстие один палец и пальпирую задний проход и простату, затем вынимаю палец, выбрасываю печати, подхожу к раковине и тщательно, словно хирург в операционной, мою руки, и в довершение ко всему протираю их антибактериальным раствором.

— Надеюсь, вы не против, если я открою окно, — говорю я. — Нужно проветрить.

Тем временем он успел одеться и теперь сидит напротив меня — обычный, среднестатистический гражданин, чьи кроваво-красные геморроидальные узлы и немытый анус надежно спрятаны под черными брюками со стрелками.

— Прошу меня извинить. Уже некоторое время я не осмеливаюсь тщательно вытираться, боюсь, что там все полопается.

— Все в порядке.

«А вот и не в порядке», — вдруг произносит Туре.

Туре — пластиковый скелет в натуральную величину, он стоит в углу между дверью и раковиной. Он — единственный свидетель происходящего в кабинете. Когда я его только купила, то шутки ради надела ему на голову черную мужскую шляпу. В то время меня занимали такие темы, как роль юмора в отношениях между врачом и пациентом и целительная сила смеха. Тогда казалось, что мы способны изменить мир вместе с норвежской системой здравоохранения, увидеть пациента во всей его целостности и так далее и тому подобное. Мы верили, что мы особенные, исключение из правил, и что нашему медицинскому центру суждено стать чем-то из ряда вон выходящим. Возможно, именно эта вера в собственную исключительность по-прежнему заставляет нас подниматься каждое утро.

«Да, не в порядке, — продолжает Туре, — вовсе не в порядке. Он мог бы смочить туалетную бумагу и осторожно вытереться. Да мало ли существует способов. Он мог бы купить влажные салфетки в киоске на углу и воспользоваться ими до прихода в кабинет. Но не сделал ни того, ни другого. А если ему не стыдно сунуть свою задницу, перемазанную свежими испражнениями, в лицо незнакомому

человеку, на что еще он способен? Что еще скрывает этот мужчина?»

Я вещаю что-то о моционе, потреблении жидкости и клетчатки и, слушая собственный голос, стараюсь вытеснить из своего сознания шипение Тура и резкий запах, который несколько минут назад наполнил кабинет и по-прежнему висит в воздухе.

Во время учебы я проходила практику в доме престарелых. Благодаря дополнительным сменам я быстро научилась фильтровать собственные ощущения и уже спустя неделю могла преспокойно сидеть в столовой и жевать бутерброд с колбасой, хотя еще пару минут назад отмывала от испражнений тела, стены и инвалидные коляски. Я возвела герметичные перегородки между «здесь» и «там», между «до» и «после» и, главное, между собой и пациентами.

Теперь же я не терплю ничего. Как будто с возрастом моя способность отделять вещи друг от друга стала неизбежно изнашиваться, и мне приходится прилагать огромные силы, чтобы достичь того, что еще пару лет назад получалось само собой.

Я машинально говорю, стараясь не обращать внимания на картинки, из ниоткуда появляющиеся на экране монитора. Произношу что-то о мази и суппозиториях, формирую рецепт на компьютере, но картинки продолжают маячить перед глазами, становятся все ужаснее, я вижу, как мои собственные зубы вгрызаются в геморроидальные узлы и в потолок бьет фонтан крови и экскрементов. Что стряслось? Раньше со мной такого не случалось. Мне



доводилось видеть гораздо более неприятные вещи. Я вскрывала абсцессы, которые иной раз забрызгивали своим содержимым не только стоящих вокруг, но и потолок и стены. Я лечила раны, видела все жидкости, которые только есть в человеческом теле, ощущала все запахи, которые способен производить человек, так что вряд ли меня может смутить чуть-чуть испражнений. Но мои защитные перегородки прохудились, и содержимое отсеков только и ждет, чтобы перелиться через край. Я должна взять себя в руки, иначе разразится скандал, который совершенно точно приведет к тому, что мне больше не позволят здесь находиться. Куда мне тогда деться, ведь этот кабинет и эта униформа — последнее, что у меня осталось.

«Успокойся, — говорит Туре. — К тому же скандал уже произошел».

«Да, но здесь, — отвечаю я, — в этих стенах еще ничего не случилось».

Геморройщик уходит. Я обновляю журнал приема и вызываю следующего пациента. Сидящий за дверью мужчина с хвостиком и в очках отрицательно мотнул головой. Я прохожу по коридору, заглядываю в зал ожидания, называю имя пациента, но и там никто не отрывается от телефона. Только я собираюсь вернуться в кабинет, хвостатый бросает на меня вызывающий взгляд, в котором читается: «Ну теперь-то я могу войти, раз предыдущий пациент не явился?» — «Нет не можете, — молча отвечаю я. — Сейчас у меня заслуженная пауза».

Случись это пару лет назад, я бы пригласила его в кабинет. Раньше мне нравилось опережать график, контролировать ситуацию, делать пациентам приятно. Но в какой-то момент я поняла: как бы быстро я ни работала и сколько бы пациентов я ни принимала, их становится все больше, они льются нескончаемым потоком, словно из открытого крана.

Я сажусь за письменный стол и смотрю в никуда. «Все в порядке, — думаю я, — нужно просто сохранять спокойствие, когда выдается минутка, нужно просто...» Но тут вибрирует телефон, и я вспоминаю, что он уже вибрировал, когда я пальпировала анус геморройщика. На экране куча непрочитанных сообщений. Многие из них от Бьёрна. «Как дела? Почему ты молчишь?» На эти сообщения я не отвечаю, как не отвечала и на вчерашние. Я переключаюсь между приложениями и вижу, что он, оказывается, писал даже ночью в разные мессенджеры в три-четыре часа утра. Это моя новая тактика: не отвечать ни на сообщения, ни на звонки. Так я решила вчера после обеда. Мои большие пальцы замерли над экраном: что мне написать? Кто этот человек, ждущий ответа на том конце? Зачем все это?

«Пускай подождет», — подумала я и положила телефон на полку. Ведь Бьёрн все равно никуда не денется.

Я не отвечала, и с каждым часом мне становилось все легче. И почему мне потребовалось добрых полвека, чтобы наконец осознать, что лучшее

средство — бездействие? Одна эта мысль приводит меня в бешенство.

«Но ты уже не можешь просто так выйти из игры», — говорит Туре, ведь он хочет, чтобы я продолжала битву: с Акселем, который занял наш дом в Гренде<sup>1</sup>; с Бьёрном, который вернулся к своей жене во Фредрикстаде<sup>2</sup>; с Гру, которая уже несколько раз общалась с Акселем, о чем она упомянула в нескольких сообщениях, на которые я тоже не ответила.

«Думаю, дела у него неважно, — написала она вчера в том же тоне, в котором обыкновенно обсуждала собственного бывшего мужа. — Ему очень нужно с кем-то поговорить». На протяжении миллионов лет женщины успешно применяют это логическое обоснование, чтобы оправдать что угодно: ему нужна я.

Могу себе представить, как Гру, моя бывшая соседка и собутыльница, томится одна на своей огромной вилле, а через дорогу сидит Аксель, такой же одинокий, в своем доме. Только теперь я отдаю себе отчет в том, что всякий раз, когда Аксель заходил на кухню, где мы с ней сидели, Гру расправляла плечи. Думаю, она делала это неосознанно, иначе она бы точно старалась это скрыть.

«И что ты собираешься с этим делать?» — спрашивает Туре.

Делать с чем?

---

<sup>1</sup> Гренда (*норв.* Grenda) — жилой район в Осло. (Здесь и далее примечания переводчика.)

<sup>2</sup> Фредрикстад (*норв.* Fredrikstad) — город в губернии Эстфолд, на юго-востоке Норвегии.

«С тем, что, возможно, прямо сейчас Гру лежит рядом с Акселем в кровати, которую вы оплатили пополам и вместе затаскивали на второй этаж».

Я не знаю. У меня напрочь отсутствует соревновательный инстинкт. Если бы начался массовый голод, я бы погибла в числе первых.

«Ты должна что-то предпринять, прежде чем будет слишком поздно».

Что тут поделаешь? Мне остается идти своей дорогой. Если начать что-то предпринимать сейчас, станет только хуже. Я создам трение, которое только воспламенит отношения между ними.

«Погоди, ты дождешься. Вот они сидят по домам, покинутые своими супругами. Лучше не придумай. Как говорится, стол накрыт. Поверь, общество будет аплодировать им с тем же рвением, с каким обычно осуждает любые темные делишки, связанные с контрактами и недвижимостью».

Подумаешь.

«А как же Бьёрн?» — продолжает Туре, явно недовольным тем, что я не реагирую.

Бьёрн во Фредрикстаде, вернулся к Линде, своей повелительнице. Что свидетельствует о наивысшей степени зависимости. Самая сильная из всех зависимостей — тяга к подчинению, тяга к узам. После окончания Гражданской войны в Америке многие рабы отказывались покидать плантации, и в этом нет ничего удивительного. Зато удивительно то, что многие из них ступили на новый путь, ведущий в полную неизвестность.